

МАРКИРОВАНИЕ ИНАКОВОСТИ КАК ИНСТРУМЕНТ РЕЛИГИОЗНО-ЭТНИЧЕСКОЙ СЕГРЕГАЦИИ (ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ XVI–XVIII ВВ. ГЛАЗАМИ ЕВРОПЕЙЦЕВ)

Гоар Карагезян

Кандидат филологических наук

Старший научный сотрудник Института литературы им. М. Абеяна НАН РА

РА, Ереван, ул. Григора Лусаворича 15

Эл. адрес: gkaragyozyan@gmail.com

Статья представлена 21.12.2021, рецензирована 24.12.2021, принята к публикации 05.07.2022

DOI: 10.53548/0320-8117-2022.2-154

Вступление

Реляции западноевропейских путешественников представляют значительный интерес, поскольку заключают в себе богатейший материал по посещенным ими странам и их народам. Цели, преследуемые путешественниками, были различными. Наряду с искателями приключений на Восток потянулись дипломаты и миссионеры. Особое место стали занимать путешествия, предпринимаемые европейцами с торговыми целями. Зачастую эти коммерческие поездки носили не только торгово-экономический, но и научно-образовательный характер, обретали характер «путешествий за знаниями». Стали предприниматься и путешествия с чисто научной целью, называемые ныне «научным туризмом». В статье рассматриваются записки европейских путешественников XVI–XVIII вв., совершивших путешествия на Восток – в частности, в земли, подвластные Османской империи. Мир, в который им предстояло войти, был четко сегментирован по социальному, пространственному, религиозному и этническому признакам. Города были разделены на греческие, армянские, еврейские, мусульманские и прочие кварталы; жить полагалось только на определенной территории; доступ иноверцев к государственной службе был закрыт, и ряд профессий были предусмотрены лишь для представителей одной какой-то нации. Что касается одежды, то и она была четко регламентирована: подданные Оттоманской Порты в зависимости от конфессиональной и этнической принадлежности в качестве идентификационных знаков должны были носить одежду, призванную маркировать иноверцев. Эти «знаки инаковости» (signs of otherness – понятие, которым оперировала Рут Меллинкофф) использовались в Османской империи как инструмент идентификации, сегрегации и стигматизации иноверцев и чужеродцев.

Идентификаторы этноконфессиональной принадлежности в Османской империи

Переходя рубеж, разделяющий христианский мир от нехристианского, путешественник-европеец становился странником в чуждом, непредсказуемом мире – иноверцем, гяуром. Гийом Рубрук, пересекая границу христианских земель в 50-ых годах XIII века, писал: «Итак, когда мы вступили в среду этих варваров, мне показалось, что я вступаю в другой мир»¹. Из своего «положительного» пространства европейский путешественник попадал в неизвестный, чужеродный, настораживающий мир. Перемещение европейца по неизведанному нехристианскому миру было чревато опасностями, ибо это был мир противостоящих христианству иноверцев, а, следовательно, с точки зрения европейца, мир беззакония, несправедливости, обмана и ловушек. Как заметил Ю.А. Лотман, «движение в географическом пространстве становится перемещением по вертикальной шкале религиозно-нравственных ценностей»².

Путешественники, осознавая трудности, с которыми им предстоит столкнуться на Востоке, отправлялись в путешествие достаточно подготовленными. Нужно было быть в курсе политической, правовой, экономической ситуации, знать климатические особенности страны, этноконфессиональный состав населения, иметь представление о нравах, обычаях, быте народа, маршруте, состоянии дорог и конечно об опасностях, которые могут их подстеречь в чужеродном пространстве. Изучая труды посетивших Восток своих предшественников, они пытались выработать максимально приближенную к миропорядку мусульманских стран модель поведения. Подобное подстраивание и приношение было необходимо для обеспечения собственной безопасности. Следовательно, путешественникам нужно было заведомо понять, как вписаться в регламентированный уклад, чего следует остерегаться, дабы не навлечь на себя гнев и подозрение, и как себя вести, чтобы не оскорбить чувств иноверцев. Последние питали далеко не самые теплые чувства к пришельцам, не исповедующим ислам, особенно к христианам. Об этом имелись многочисленные задокументированные свидетельства путешественников. Так, автор путевых записок «Путешествие в Левант» – французский путешественник Жан Тевено (1633-1667) пишет, что, если «при выходе утром из дома набожным туркам первым повстречается христианин или еврей, они возвращаются в свое жилище со словами «да убережет нас бог от сатаны». Над франками же они глумятся как могут, называя их безхвостыми обезьяна-

¹ Путешествие в восточные страны Плано Карпина и Рубрука 1957, 103.

² Лотман 1965, 210.

ми (singes, qui n'ont point de queue), в основном из-за одежды, которая их сильно шокирует³. Французский путешественник, ученый-ориенталист Константин Франсуа Волней (1757-1820), предпринявший в 1782 году многолетнее путешествие по Османской империи, Сирии, Египту, повествует о сохранив-

шемся обычае у мусульман, согласно которому, если «неверный» съел из их блюда или выпил из их сосуда, то их разбивают⁴. Французский путешественник Франсуа де Ла Булле-Ле Гуз (1623-1668/1669 гг.), объездивший многие страны и гионы Востока и запечатлевший свои наблюдения и впечатления в ценном, насыщенном полезной для путешественников информацией по пройденным странам труде «Путешествие и наблюдения господина де Ла Буле-Ле Гуза», о жителях Тебриза пишет, что они последователи секты Али⁵ – тельные враги оттоманов (османов) (de la Secte de Haly ennemis mortels des Ottomans). Де Ла Булле-Ле Гузу пришлось сменить турецкую одежду на персидскую, поскольку детвора бегала за ним, обзывая неверным и османом – рогоносцем (cornard Ottoman)⁶. Путешественник пишет, что ему и его спутникам, из-за страха быть принятыми в Эрзеруме за шпионов, пришлось одеться на турецкий манер⁷. На территории Османской империи он не только облачился в турецкую одежду, но и сменил свое имя Франческо на Ибрагим Бек, поскольку уроженцы Востока, для которых «имя Франческо было трудно выговариваемым, называли его Франком, т.е. европейцем – словом, ругательным среди мусульман»⁸.

Таким образом, турецкая одежда в границах Османской империи была гарантией безопасности. Французский путешественник, натуралист и ботаник, профессор Сорбонны Пьер Белон (1517-1564) настоятельно рекомендует для беспрепятственного и безопасного передвижения с караваном, состоящим из турок, облечься в турецкую одежду⁹. «Переходя границу Турции, – читаем в «Реляции путешествия» по странам Востока, составленной Жаком де Буржем, попутчиком миссионера, епископа Берита (Бейрута), – покидаешь страну раб-

³ Thévenot 1674, 112.

⁴ Volney 1797, 55.

⁵ Ахл-и хакк или али-илахи (али - бог их), - одна из шиитских сект, возникла примерно в XV-XVII вв.

⁶ La Boullaye-Le Gouz 1657, 90.

⁷ La Boullaye-Le Gouz 1657, 71

⁸ La Boullaye-Le Gouz 1657, 71-72.

⁹ Belon 1588, 49.

ства, в то время, как на персидской земле можно даже одеваться на французский манер»¹⁰.

Записки путешественников, являясь частью механизма воссоздания и культивирования представлений о «других», изобилуют описанием бесконечного переодевания путешественников на протяжении их странствований по Востоку. Эта перманентная смена одежды напоминала театрализованное действо, карнавал. Бургундский путешественник, советник Филиппа Доброго, герцога Бургундского Бертрандон де ла Брокьер, совершивший в 1432–1433 гг. путешествие по Ближнему Востоку, во избежание опасности при пересечении границы турецких земель облачается в турецкий костюм: он приобретает турецкий головной убор, два белых кафтана до пят, красные сапожки с длинными голенищами¹¹. На протяжении всего странствования по Востоку, включая Малую Азию, Армению, Грузию и острова греческого архипелага, французский путешественник, профессор ботаники Жозеф Питтон де Турнефор (1656–1708) неоднократно меняет гардероб. Так, в Константинополе он и его провожатые скидывают «европейскую одежду и облачаются в долиман»¹², но поскольку эта одежда была неудобной для ведения полевых работ и верховой езды, путешественники «запаслись также одеждой на армянский манер (*un habit à l'Arménienne*) и сафьяновыми сапожками»¹³. В Грузии «были в почете шляпы». Соответственно, путешественники не остерегались их носить. В Дилижане они предстали в национальной одежде турок. Жители Дилижана, «поинтересовались, почему мы не в европейской одежде (*des habits à la franque*) и без шляп. Мы ответили, что пришли из страны турок, которым подобная экипировка вряд ли пришлась бы по вкусу»¹⁴. Турецкий национальный костюм путешественники припасли для церемониальных визитов¹⁵. В Анкаре они купили белые тюрбаны, дабы разбойники, которые безжалостно грабили на дорогах франков, приняли их за мусульман¹⁶. Ла Буле-Ле Гуз припас «белый тюрбан для сельской местности, дабы не отличаться от мусульман, и другой – бело – синий, по христианскому образцу, для городов»¹⁷.

Эта тяга к смене гардероба имела определенную мотивацию и была далеко не случайной. Вскоре после захвата турками-османами Константинополя

¹⁰ *Rélation du voyage de Mgr. l'évêque de Beryte* 1666, 88.

¹¹ *Le Voyage d'Outremer de Bertrandon de la Broquière* 1892, 60–61.

¹² Долиман (зд.) – турецкая длиннополая одежда, спереди открытая, без застёжек, с узкими рукавами.

¹³ *Tournefort* 1717, 8.

¹⁴ *Tournefort* 1717, 184–185.

¹⁵ *Tournefort* 1717, 8.

¹⁶ *Tournefort* 1717, 360.

¹⁷ *La Boullaye-Le Gouz* 60.

Мехмед II издал закон, предписывающий подданным в зависимости от их этнической и конфессиональной принадлежности носить особые, отличительные одежды. Греки должны были носить черные штаны и туфли, армяне – лиловые туфли и фиолетовые штаны, евреи – небесно-голубые штаны и туфли, и лишь немногие избранные неверные имели право надевать желтые туфли и красные штаны, как турки¹⁸.

Что касается почитаемого турками зеленого и белого цвета, то подданным турецкого султана – христианам и евреям, категорически запрещалось носить одежду этих цветов. Считалось, что это излюбленные цвета пророка Мухаммеда, ибо, как сказал сподвижник пророка Мухаммеда Анас ибн Малик, «Самым любимым цветом Посланника Аллаха (Мухаммеда) был зеленый».

Итальянский путешественник Пьетро делла Валле (1586-1652) пишет, что «носители крови лжепророка Мухаммеда также имели право носить тюрбан зеленого цвета, в качестве знака различия»¹⁹. Согласно Белону, одежда зеленого цвета свидетельствовала, что носящий ее принадлежит к роду Мухаммеда (*sont de la lignee de Mahomet*)²⁰. И далее, «совершившим дважды или трижды паломничество в Мекку позволяется надеть зеленый тюрбан»²¹. В отношении белого, «у них (мусульман), – уверяет Пьетро делла Валле, – он был знаком принадлежности к конфессии (*c'est une marque de Religion*)»²².

Подданным турецкого султана – христианам и евреям, согласно путевым запискам Тевено, категорически запрещалось «иметь даже небольшое пятнышко этого цвета (зеленого) на своей одежде», в противном случае они «подверглись бы избиению палками». «Христиане также не смели носить белый тюрбан, – продолжает излагать свои наблюдения Тевено, – ...в случае, если их застали бы в нем, то они должны были стать турками или умереть»²³. Николе Николас (517-1583), придворный географ при Генрихе II, в 1551 году включенный в состав посольств Габриэля д'Арамона, посланного в Турцию ко двору Сулеймана Великолепного, в XVII главе своих «Навигаций, паломничеств и путешествий», затрагивая тему костюма армян в Османской империи, отмечает, что армяне «носят тюрбан синего цвета, испещренный белым и красным. Поскольку никому другому, кроме турок, не дозволяется носить просто белый тюрбан»²⁴.

¹⁸ Гудвин 2012, 25.

¹⁹ Les fameux voyages de Pietro della Valle 1670, 124.

²⁰ Pierre Belon 1588, 420.

²¹ Pierre Belon 1588, 420.

²² Les fameux voyages de Pietro della Valle 1670, 124.

²³ Thévenot 1665, 156.

²⁴ Nicolay 1576, 250.

По уверению французского путешественника и живописца Гийом-Жозефа Грело, автора «Реляции о новом путешествии в Константинополь», совершенном в 1672-1675-ых гг., считалось преступлением, если даже обувь проживающего в Турции христианина была почитаемого Мухаммедом цвета²⁵. Дифференциацию одежды по национальному и конфессиональному признакам как проявление расовой сегрегации не мог не заметить и Турнефор. Он отмечает, что «подданные государя, армяне и евреи должны носить обувь красного, фиолетового или черного цвета». Им категорически запрещалось носить обувь желтого цвета. «Подданные Султана не смеют носить желтую обувь (Paboutches), что чревато избиением дубинкой, а только красную»²⁶, – подтверждает Тевено. Среди иноверцев только иностранцам дозволено носить желтые туфли. Этого установившегося порядка с такой точностью придерживаются, что «по голове и ногам, – возмущается Турнефор, – определяют [в Турции] религиозную принадлежность»²⁷.

Французский ученый и путешественник Гийом-Антуан Оливье (1756-1814) в течение своего продолжительного путешествия по Востоку подметил, что запрет на «цвета мусульман и не мусульман» распространялся не только на одежду, но и на дома: «У турок дома были покрашены в белый и красный цвет, у греков, армян и евреев – в черно-коричневый. В Турции так заведено: господ от рабов можно различить по одежде и домам»²⁸.

Заключение

Турки-османы на протяжении столетий выстраивали свою государственность в рамках деления мира на «дар аль-ислам» (территория ислама) и «дар аль-куфр» (территория неверия). Этот принцип деления распространялся и на территорию самой Порты и ее христианского населения, которое виделось как «объект завоевания». «Политика турецкой империи была направлена на то, чтобы как можно больше инородческого элемента слилось с турецким, чтобы турками стали все вокруг»²⁹. Через маркеры инаковости, а одежда и цвета являлись визуализацией религиозной и этнической инаковости – идентификатором этноконфессиональной принадлежности, отличительной меткой, определялись границы между «своими» и «чужими». Последние должны были жить по жестким правилам, установленным Портой. Огра-

²⁵ Grelot 1680, 250.

²⁶ Théveno 1665, 156.

²⁷ Tournefort 1718, 53.

²⁸ Olivier 1801-1807, 109.

²⁹ Лурье 1997, 244.

ничество прав и свобод иноверцев подталкивало многих к принятию ислама, и, соответственно, к отуречиванию населения. Европейские путешественники, побывавшие в подвластных Османской империи землях, приводят в своих травелогах множество свидетельств жесткой сегрегации и дифференциации в турецком обществе, реализующихся в сложной системе знаков, одним из проявлений которых является закон, предписывающий подданным носить особые, отличительные одежды.

Библиография

- Гудвин Дж. 2013, Величие и крах Османской империи, Москва, Колибри, «Азбука-Аттикус», 416 с.
- Лотман Ю.М. 1965, О понятии географического пространства в русских средневековых текстах (Тр. по знаковым системам), т. 2, Учен. зап. Тарт. гос. ун-та, Тарту, с. 210-216.
- Лурье С.В. 1997, Историческая этнология, Москва, «Аспект Пресс», 448 с.
- Путешествие в восточные страны Плано Карпина и Рубрука 1957, Москва, изд. Географической литературы, 270 с.
- Belon Pierre 1598, Les Observations de plusieurs singularitez et choses mémorables trouvées en Grèce, Asie, Judée, Egypte, Arabie & autres pays étranges..., Paris, Edité par Hiersome De Marnef & Guillaume Cavellat, 468 p.
- Grelot G.-J. 1680, Relation nouvelle d'un voyage de Constantinople, Paris, Rocolet, 306 p.
- La Boullaye-Le Gouz François de 1657, Les voyages et observations du sieur de La Boullaye-Le-Gouz. ..., Paris, G. Clousier, 555 p.
- Le Voyage d'Outrermer de Bertrandon de la Broquière 1892, publ. et annot. par Ch. Schefer, Paris, Ernest Leroux, 323 p.
- Les fameux voyages de Pietro della Valle 1670, Rouen, Grevais Clousier, t. 1, 348 p.
- Nicolay Nicolas de 1576, Les navigations, peregrinations et voyages faicts en la Turquie, Ànvers, G. Silvius, 306 p.
- Relation du voyage de Monseigneur l'évêque de Beryte 1666, Vicaire apostolique du royaume de la Cochinchine, Par la Turquie, la Perse, les Indes, &c. jusqu'au Royaume de Siam & autres lieux. Par M. de Bourges, Prêtre, Missionnaire Apostolique 1666, Paris, chez Denys Bechet, 245 p.
- Thévenot Jean de 1674, Relation d'un voyage fait au Levant, Paris, chez Louis Bilaine, 575 p.
- Tournefort Pitton de 1717, Relation d'un voyage du Levant: fait par ordre du Roi par M. Pitton de Tournefort, Lyon, t. III, 379 p.
- Tournefort, Pitton de 1718, Relation d'un voyage du Levant: fait par ordre du Roi par M. Pitton de Tournefort, Amsterdam, t. II, 306 p.
- Volney Constantin-François 1783, Voyage en Syrie et en Égypte, pendant les années 1783, 1784 et 1785, t. I, Paris, Desenne Volland, t. 2, 458 p.
- Olivier G.-A. 1801-1807, Voyage dans l'Empire Othoman, l'Égypte et la Perse, fait par ordre du gouvernement pendant les six premières années de la République, Paris, H. Agasse, t. 1, 466 p.

МАРКИРОВАНИЕ ИНАКОВОСТИ КАК ИНСТРУМЕНТ РЕЛИГИОЗНО-ЭТНИЧЕСКОЙ СЕГРЕГАЦИИ (ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ XVI–XVIII ВВ. ГЛАЗАМИ ЕВРОПЕЙЦЕВ)

Гоар Карагезян

Резюме

Записки европейских путешественников XVI–XVIII вв., совершивших путешествия в земли, подвластные Османской империи, повествуют о мире, с которым они столкнулись. Согласно их наблюдениям, этот мир был четко сегментирован по социальному, пространственному, религиозному и этническому признакам. Города были разделены на греческие, армянские, еврейские, мусульманские кварталы; жить полагалось только на определенной территории; ряд профессий были предусмотрены только одной какой-то нации. Что касается одежды, то и на нее было установлено четко регламентирование: подданные Оттоманской Порты, в зависимости от конфессиональной и этнической принадлежности в качестве идентификационных знаков должны были носить одежду, призванную маркировать иноверцев. Эти «знаки инаковости» (signs of otherness – понятие, которым оперировала Рут Меллинкофф) использовались в Османской империи как инструмент идентификации, сегрегации и стигматизации иноверцев и чужеродцев.

Ключевые слова – Османская империя, маркирование, сегрегация, одежда–маркер инаковости, иноверец, европейские путешественники.

ԱՅԼՈՒԹՅԱՆ ՆՇԱՀԱՐՈՒՄԸ՝ ՈՐԴԵՍ ԿՐՈՆԱԲԵՆԻԿԱԿԱՆ ԲԱԺԱՆՄԱՆ ԳՈՐԾԻՔ (XVI–XVIII ԴԴ. ՕՍՄԱՆՅԱՆ ԿԱՅՍՐՈՒԹՅՈՒՆԸ ԵՎՐՈՊԱՅԵՐՆԵՐԻ ԱԶԲԵՐՈՎ)

Գոհար Կարապյոզյան

Ամփոփում

XVI–XVIII դդ. Օսմանյան կայսրության ենթակա երկրներում ուղևորություն կատարած եվրոպացի ճանապարհորդների համաձայն, աշխարհը հստակ բաժանված էր սոցիալական, տարածական, կրոնական և էթնիկական հատկանիշներով: Քաղաքները բաժանված էին հունական, հայկական, հրեական և մահմեդական թաղերի. ապրել պետք էր միայն որոշակի տարածքում: Կային մասնագիտություններ, որոնք թույլատրված էին միայն տվյալ ազգությանը: Հագուստը խիստ կանոնարկված էր: Օսմանյան պետության հպատակները, կախված կրոնական և ազգային պատկանելությունից, պետք է կրեին այլահավատներին նշահարող հագուստ՝ որպես նույնականացման նշան: «Այլության նշաններ» (signs of otherness) հասկացությունը, որը կիրառել է Ռուտ Մելինկոֆը, Օսմանյան կայսրությունում օգտագործվում էր որպես նույնականացման գործիք՝ այլահավատների և այլազգիների սեգրեգացիայի և խարանման համար:

Բանալի բառեր՝ Օսմանյան կայսրություն, նշահարում, սեգրեգացիա, նույնականացում, հագուստ՝ որպես այլության նշան, այլիավատ, եվրոպացի ճանապարհորդներ:

**MARKING OTHERNESS AS A TOOL FOR RELIGIOUS-ETHNIC SEGREGATION
(THE 16TH-18TH CENTURY OTTOMAN EMPIRE THROUGH THE EYES OF EUROPEANS)**

Gohar Karagezyan

Abstract

The article deals with the notes of the 6th–18th century European travellers who travelled to the lands subject to the Ottoman Empire. The world they encountered was clearly segmented along social, spatial, religious and ethnic lines, according to their observations. The cities were divided into Greek, Armenian, Jewish, and Muslim quarters; people were supposed to live only in the predestined territory; there were professions allowed only to one particular nation. As for their clothing, there was a clear regulation established for it: subjects of the Ottoman Porte, depending on their religious and ethnic belonging as identification signs, had to wear clothes aimed at marking adherents of different faiths. These signs of otherness, a notion Ruth Mellinkoff operated with, were used as a tool for identifying, segregating and stigmatizing adherents of non-Muslim faith and aliens in the Ottoman Empire.

Key words – the Ottoman Empire, marking, segregation, clothes as signs of otherness, representative of non-Muslim religion, European travellers.